

Ведьма и Охотница

Янурова Лия

Лия Янурова

Ведьма и Охотница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70069855

SelfPub; 2023

Аннотация

Ведьма, живущая в лесу. Представили себе старую ведьму с бородавкой на носу, что крадет детей и варит их в котле? Ти – ведьма, живущая в лесу, но она совсем не такая. Изю дня в день она ухаживает за садиком, где выращивает травы, готовит смеси чаев и склянки с безобидными заклинаниями на продажу: «любовь к себе», «от боли в животе», «на удачу». Но убедит ли она в этом охотницу с кинжалами на пороге своего дома?

Содержание

Глава 1

4

Глава 2

34

Лия Янурова

Ведьма и Охотница

Глава 1

Ти поправила колокольчики у двери и коснулась их кончиками пальцев: по воздуху разлился нежный перезвон, похожий на дыхание весны. Легкие и невесомые, они защищали ее дом от незваных гостей. Девушка гордилась своей кропотливой работой: медные колокольчики ей делали на заказ (исключительно доверенные руки в городе), а руну она придумала и нарисовала сама веточкой клена. Чтобы уж точно обезопаситься от незваных гостей, Ти одним вечером усеялась на вязаный ковер, в центре которого она сплела руну духовности – это было ее любимое место в доме, где можно было медитировать, придумывать чары или просто читать книгу с чашкой чая под потрескивание хвороста в камине, – и наложила на колокольчики чары от негативных воздействий извне. Понадобилась всего-то пара свеч с полынью, бирюза и подходящее заклинание, которое Ти, опять-таки, придумала сама.

На улице густо пахло цветущей яблоней и сиренью. Ти разгладила складки на платье чуть выше колен: оно было до-

статочно простенькое, тыквенного цвета с рукавами-фонариками, и подходило к ее длинным каштановым волосам, на солнце отливающим рыжим. Прически она делала редко, обычно на ночь, предпочитая перекидывать волосы за плечо, если они мешались при готовке или сборе ягод. На сгибе локтя висела корзина: когда она заполнится травами, орехами и ягодами, Ти возьмет ее в обе руки для удобства.

Девушка зашагала в чащу леса, приминая ботинками траву. Ее домик располагался на поляне – прелестное место, освещенное солнцем, где можно поваляться на траве или устроить пикник. Последний проходил в компании книг, пения птиц и иногда – бродячей черной кошки, которая жила в лесу и порой приходила к Ти полакомиться чем-нибудь вкусным и выпросить ласки. Друзей у девушки не было, но ее это не тревожило. В небольшой город, расположенный неподалеку от леса, она ходила по необходимости – покупала что-то в магазинах или продавала свои творения, ограничивая общение до «здравствуйте-до свидания». Особой популярностью пользовались ее чайные смеси: те, кто не верил в колдовство, охотно скупали их за вкусовые качества, а те, кто верил, еще охотнее запасались чаями на все случаи жизни и уточняли у Ти, как его заваривать и что при этом приговаривать.

Ти как раз пора пополнить запасы: сегодня, распахнув дверь в кладовую и расчихавшись из-за пыли, что облачком поднялась с полок, она обнаружила, что ей не хватает многих

ингредиентов. Она уже сделала мысленную пометку собрать ночью лунную воду и взяла с собой деревянную флягу для родниковой. Гримуар в виде блокнота из искусственной кожи девушка оставила дома, полагаясь на память. Ингредиенты Ти использовала самые разные, но, вопреки предрассудкам, туда не входили конечности трехлапых жаб, лепестки кровоцвета, что распускается только в ночь растущей луны, и пыльца лесных фей.

За то время, что Ти провела в лесу, солнечный диск подполз к горизонту, и яркий свет сменился золотистым сиянием. Девушка вернулась на родную поляну и напоследок собрала урожай со своего садика – она выращивала там редкие травы, каких в лесу не встретишь. Из-за зарева казалось, будто домик с деревянной крышей и глазом-окошком охватило огнем.

– Мелисса что-то плохо растет, – пробормотала Ти, перебирая пальцами стебли.

Она прикрыла глаза, прошептала коротенькое заклинание и снова взглянула на хилые ростки. Они не выросли и не ожили за миг, чахлые листья не налились спелым зеленым цветом; собственно, этого Ти и не ждала. Магия – по крайней мере та, которой она промышляла, – так не работает. Вот через недельку-другую будет виден результат, и отправится он на соответствующие чаи, заклинания и даже смеси для ванн.

Ти поднялась, отряхнула руки, взяла полную до краев корзинку и зашагала к крыльцу. Она уже хотела толкнуть дверь,

как наступила на что-то жесткое. Девушка быстро подняла ногу, испугавшись, что это какой-нибудь зверек – они часто тут шныряли, и Ти совсем не хотела ненароком кого-нибудь поранить.

У ее ног лежали треснувшие медные колокольчики.

В камине весело горел хворост, освещая зал с гобеленами на стенах, креслом-качалкой, в котором можно было с комфортом вытянуть ноги, и подвешенными под потолок сушеными травами. По-хорошему, пучки последних стоило вешать в кладовой, но Ти не отличалась педантичностью. В кружках часто засыхали остатки чая, склянки с заклинаниями¹ валялись где попало, капли воска, которыми она запечатывала эти самые склянки, можно было найти в самых неожиданных местах, а разноцветная пряжа и нитки клубками и катушками валялись под столами и невысокими шкафами. Ковра, кроме того, что у камина, на полу не было: девушке нравилось ощущать деревянные половицы босыми ногами, а зимой, когда становилось холодно, она носила вязаные тапочки с подкладкой из искусственного меха.

Здесь Ти чувствовала себя в уюте, тепле и защищенности... Но не сегодня. С момента, как она переступила порог этим вечером, она не находила себе места. Взялась вязать –

¹ Ведьминская практика, подразумевающая заклинание, заключенное в небольшую банку или склянку: ингредиенты используются самые разные, но чаще всего являются собой кристаллы и травы

спицы выскальзывают из пальцев, пряжа путается. Решила приготовить ужин – грибной суп пригорел ко дну кастрюли. Тогда Ти налила себе чая для душевного равновесия и спокойствия и тут же разлила половину на клетчатую скатерть. Остаток она быстро выпила, пока еще чего не случилось. К ее удивлению, чай тоже не подействовал, будто она выпила простой воды с привкусом лаванды и лемонграсса. От отчаяния девушка взялась за самую простую работу – зажгла кедровое благовоние и окурила кристаллы, которые нуждались в подзарядке. Тогда все прошло гладко, но Ти не могла избавиться от ощущения, что что-то не так.

Расстроенная происходящим, Ти растерла пыльцу пижмы в пальцах, нарисовала ею на внутренней стороне двери руну защиты, переделалась в ночнушку и ушла спать.

Когда на утро Ти обнаружила, что в кладовой рассыпано, разлито и разбросано содержимое ее драгоценных баночек, а рисунок руны на двери размазан, все встало на свои места. Ти уже догадывалась, в чем дело, но все равно полезла в книгу о лесных существах, которая и подтвердила ее опасения: происходящее оказалось виной маленьких, но подлых ручек фейри. Других объяснений этим пакостям нет. Только эти вредные создания стали бы нападать на ее домик, о котором никто не знает. Сюда даже самые заядлые грибники не доходят, так глубоко в чаще он находится.

Личность злодеек установлена, пора выстраивать оборо-

ну. Ты прямо в ночнушке села на пол и от корки до корки разобрала главу, посвященную фейри. Чтобы подготовиться как можно тщательнее, девушка обратилась еще к нескольким книгам и собственным записям, которые с трудом отрыла среди свалки из других блокнотов, в которых было написано по паре страниц. За это время уже давно рассвело, и в дом через круглые окошки скользнули солнечные лучи. На улице шелестела листва, напоминая беспокойные морские волны. Не хватало только мелодичного перезвона колокольчиков. В старом доме что-то тихо поскрипывало, но Ты, привыкшая к таким звукам, не обращала на это внимания. Ее волосы спутались между собой из-за ворочания по подушке, на лице застыло сосредоточенное выражение.

Хоть Ты и не планировала сегодня выходить в город, ситуация ее вынудила: она оделась в свободное платье, поправила амулет из граната, который никогда не снимала с шеи, еле-еле причесала волосы рукой, надела башмачки и поспешила в Вилмсбург с тряпичной сумкой на плече.

Одним из ее знакомых в городе был кузнец Эррол Кейн: он мастерил ей и те медные колокольчики, и любые другие вещицы по требованию. Он был немногим старше Ты, и в свой двадцать один год так умело орудовал молотом и наковальней, что искры во все стороны летели. Весь город был наслышан о его мастерстве, и в кузнице всегда было много клиентов. Ты было нестерпимо жарко находиться в разогретом помещении с печью во всю стену, но она терпела

неудобства и в подробностях объясняла Эрролу, что ей от него нужно. Их ремесла были схожи тем, что оба требовали неумолимого внимания к деталям. Эррол колдовство не понимал, но своим отношением к нему напоминал заботливого отца, который отстал от поколения своих детей, но все равно хочет поддержать их интересы.

Сейчас Эррол стоял перед ней и бил ручником по железному бруску. От лязга сводило зубы, по виску девушки катились капельки пота. Обмахивая лицо рукой, она обратилась к парню, стараясь перекричать звуки рабочего процесса:

– Мне нужен тролльский крест!

– Чаго? – Эррол еще раз ударил молотом по заготовке и повернулся к девушке. На лице копоть, на руках – тяжелые перчатки.

Ти достала из сумки рисунок с изображением тролльского креста.

– Вот это. Из железа и как можно скорее, прошу тебя.

Эррол изучил рисунок, подумал немного и кивнул.

Следующая остановка – лавка со свежими фруктами, где Ти выбрала самую сладкую дыню, а потом взяла молока у фермеров. Если получится задобрить фейри, можно будет не переживать – пакостить они уже не будут, ведь зачем портить жизнь тому, кто подсластил твою? Главное, чтобы Ти со своей рассеянностью не забывала выставлять блюда с угощением на крыльцо. Возможно, тут же устроенный разгне-

ванными фейри беспорядок напомнит ей об этой маленькой обязанности.

Ти очень надеялась, что этого хватит: тролльские кресты, конечно, должны помочь, но не факт, что для защиты этого будет достаточно. Если фейри всерьез на кого-то обозлились, проще переехать, чем бороться за свою территорию. Но Ти любит свой домик, и не представляет жизни без него. Чем же она их так разгневала? Может, лесные фейри мстят за то, что она собирает плоды природы для своих нужд?

Ти дожидалась тролльских крестов, гуляя по округе. Вилмсбург был маленьким городком, даже, скорее, деревней. Небольшие домики со скатными крышами жались друг к другу, словно дети, что греются у камина. В центре города стояла часовня: непритязательное, высокое сооружение с серой крышей и закругленными углами, заманчивое в своей простоте. Внутри Ти не заходила, обходя здание стороной из-за собственных верований.

Ничего другого Ти и не желала – ей нравились тихие улицы, растения, которые пробивались через брусчатку мостовой и тянулись к солнцу, жители, знающие друг друга в лицо, по именам и по всей родне.

Через час девушка забрала тролльские кресты у кузнеца, горячо поблагодарила его, оставила денег больше прошеного и на пути к выходу незаметно начертила веточкой лаванды руну защиты на двери. Может, Эррол в колдовство и не

верит, но Ти так спокойней.

Дома, укутавшись в самое легкое из своих одеял на кресле-качалке – к вечерам порой становилось прохладно, – Ти задумчиво смотрела в окно, перебирая спицами. Уже вечерело, поэтому на столике у кресла, на камине и на подоконнике горели свечи. Чтобы успокоить смятение в душе, Ти выбрала лавандовые. Шарфики девушка вязала так давно и искусно, что даже не опускала взгляда: только, бывало, плутала в своих мыслях и на вязке это отображалось рядом перепутавшихся или косых петель. Вот тогда она спохватывалась, распускала несурязицу и принималась вязать заново. Ти любила занять руки и думать о чем-то своем, так что путались петельки часто.

Нового бардака фейри еще не учинили, и девушка надеялась, что этим все и закончится. Трольские кресты она повесила там, где раньше были медные колокольчики, еще один оставила на пороге и один положила на подоконник. Блюдце с лакомством тоже ждало фейри у крыльца: главное, чтобы мухи не успели объявить его своей собственностью.

Ти уже почти заклевала носом, убаюканная запахом лаванды и размеренным мерцанием свеч, но из этого сладостного состояния ее вырвал шум снаружи: к ней будто продирался медведь через лес. Девушка подскочила, пряжа и вязанье упали на пол, одеяло горчичного цвета соскользнуло с колен.

За все время, что она жила здесь, встреч, которые начинались подобным образом, было две: в первый раз это был дикий кабан, который чуть не растоптал ее, во второй – пьяный охотник. Ти схватила склянки с тумбочки рядом с дверью. В одной хранился ядовитый сок лютика, в другой – его пыльца. Ти была против насилия, но опыт научил, что нужно уметь постоять за себя. Если бы не склянки, которые она завела после встречи с кабаном, то страшно представить, что бы с ней сделал охотник. При виде нее он заплетающимся языком забормотал что-то про «объемы, что надо» и распустил бы руки, если бы она побоялась воспользоваться их содержимым. А так охотнику – скорее, тупоголовому болвану, – оставалось только кричать, пока его кожа покрывалась волдырями от сока лютика, а потом сгибаться в приступах кашля, потому что в рот ему Ти засыпала не менее ядовитой пыльцы. Сердце быстро стучало, отзываясь в ушах, руки тряслись, перед глазами помутнело от страха и накативших слез: когда охотник, воя от боли, заковылял прочь – к счастью, он был так пьян, что ружье потерял в лесу, и давать отпор не собирался, – она склонилась над травой, и ее вывернуло наизнанку. Утерев рот рукой, Ти рухнула на поляну, чувствуя, как дрожат колени.

Разузнав в деревне про охотника и про то, что случай у ее хижины такой не единственный, Ти не могла это просто так оставить. Он снова напьется и снова полезет к девушке – а вдруг та окажется беззащитной? Тогда Ти воспользовалась

всем своим арсеналом, чтобы навсегда отбить у него охоту нападать на девушек, а заодно и на животных. Настоящую темную магию она не практиковала – она запятнала бы ее душу, повлекла бы за собой страшные последствия. Такую силу нельзя прокормить или обуздать, с ней шутки не шутили. Девушка обошлась малым: наслала на охотника кошмары, от которых он мучился в бессоннице, и под самый конец этой череды снов пришла к нему в образе всех его жертв, чьи лица были искажены, постоянно менялись между собою и говорили сотней голосов одновременно. Ти приказала ему отказаться от оружия, никогда не трогать слабых и всю жизнь искупать свою вину, иначе эти кошмары будут самым малым наказанием из тех, что она для него готовит.

Конечно, ничего страшнее снов Ти наслать на него не могла, но охотник ей поверил и за одну ночь изменился так, что в Вилмсбурге до сих пор поговаривали про этот странный случай. Кто-то верил, что магические существа выкрали его душу в лесу и обменяли на другую. Девушке даже понравилось проучать этого недоумка, но книгу с подобными практиками она тут же закопала на заднем двореке, чтобы пресечь соблазн. Сжечь чей-то труд, заполнивший страницы чернильными письменами, ей не позволяла совесть.

Сжимая склянки во вспотевшей ладони – крепко, но так, чтобы их ненароком не разбить, – Ти нашла в себе храбрость распахнуть дверь и выйти навстречу тому, что ждало ее снаружи. Первой промелькнула и тут же улетучилась

мысль «*это фейри явили себя!*»: фейри так не шумят, и показываться на глаза тоже вряд ли станут. Ты готовилась ко встрече с любым диким животным и магической сущностью, но почему-то увиденное потрясло ее до глубины души, как будто ее домик сам поднялся и ушел на курьих ножках.

На полянке, шагах в восьми от Ти, стояла девушка в коричневых кожаных штанах и темно-зеленом корсете, под которым виднелись рукава и воротник белой – когда-то белой – просторной рубашки. Сверху был накинут черный плащ с капюшоном, на шее висел некий амулет: камень цвета индиго, заключенный в серебро. Казалось, что центр амулета переливается всеми оттенками синего и притягивает к себе взгляд, напоминая воронку в океане. У незнакомки были коротко остриженные черные волосы, заправленные за уши, большие глаза и пухлые губы. На вид не старше Ти – лет шестнадцать от силы. Девушка тяжело дышала.

Какое-то время они просто стояли и смотрели друг на друга.

– Здравствуйте, – негромко сказала Ти. – Вы... Вы ко мне или мимо проходили?

Вопрос звучал глупо, но Ти не понимала, что еще можно сказать в такой ситуации.

Незнакомка перенесла вес с одной ноги на другую, наклонила голову и прищурилась. Когда Ти шагнула вперед, она выставила руку ладонью вперед, останавливая ее.

– Стой! – она откашлялась. – Это ты – ведьма, которая

здесь живет? – девушка мотнула головой в сторону домика. Губы сжались в прямую линию, в глазах засверкала ярость.

Сердце Ти застучало где-то в горле. Только не это. Только не снова.

– Я живу здесь, но не понимаю, о чем вы говорите, – она медленно положила скляночки на землю и показала незнакомке пустые руки. Та с подозрением следила за ее движениями. – Я подрабатываю садоводством. Это, – она указала носочком башмака на склянки в траве, – для работы с землей. Выращивать растения – разве ж это ведьмовство?

Она махнула рукой в сторону садика у дома: быстро, чтобы девушка не заметила, что она дрожит.

– Вот, например. Мелисса, мята, ромашка...

– Врешь, – оборвала ее незнакомка. Дрожь в голосе почти пропала. Она откинула плащ, демонстрируя тонкие, изящные ножи на поясе. На один из них она положила руку. – Ты продаешь проклятые вещи, я сама их видела. У тебя повсюду дьявольские знаки и ингредиенты для зелий.

Ти нахмурилась.

– Я правда не понимаю, о чем вы...

Ее лицо вдруг прояснилось, морщинка на лбу разгладилась.

– Так это вы... Вы залезли ко мне в дом! – она задохнулась от гнева. – Не было никаких фейри! Зачем вы это сделали? Я никому зла не желаю!

Кроме того охотника. Но он сам напросился.

Незнакомка чуть смутилась, рука на ноже дрогнула.

– Потому что это – мое предназначение! Выслеживать и изгонять таких, как вы! – она сурово свела брови к переносице. – Вы – пятно на безупречно чистой поверхности Земли! От вас одни беды. Люди умирают, скотдохнет...

Ти выпучила глаза. Скотдохнет? Как-то раз она помогла козочке залечить больную ногу компрессом из трав, и на этом ее знакомство со скотом заканчивалось.

– Да откуда вы это взяли? – возмутилась она. – Я вас впервые вижу, и первое, что я узнаю – вы вломились в *мой* дом, попортили *мои* вещи, а теперь доказываете, какая я плохая! Из нас двоих бед натворили пока только вы!

Ти аж выдохнула под конец яростной тирады. Девушка в плаще заморгала. Может, привыкла, что жертвы теряются и позволяют беспрепятственно перерезать себе глотку?

– Я... я...

– А амулет у вас на шее? Что, не магический? Как можно охотиться на ведьм, при этом пользуясь их... – Ти замолкла. Перевела дыхание. – Так вот кто вы? Охотница на ведьм?

– Хватит разговоров, – рявкнула девушка, откинув подол плаща. – Значит, сочту все сказанное за признание в колдовстве.

Она сделала решительный шаг вперед, Ти также решительно отступила назад и уперлась спиной в дверь в домик.

– Стой! – крикнула она и выбросила руку вперед. – Если не хочешь сгинуть на этом же месте, не двигайся, или я...

Я... напущу на тебя смертельных лягушек! – ляпнула она первое, что пришло на ум. Замешательство на лице охотницы того стоило. – Убирайся от моего жилища!

В этот миг Ти почувствовала, что она и впрямь может наколдовать что-нибудь гадкое. Что-нибудь такое, от чего эта горе-охотница развернется и с криками убежит обратно в лес. Ее переполняла ярость и желание защитить себя и свой дом: она не собирается лечь на плаху и поправить воротничок, чтобы палачу было сподручнее отрубить ей голову.

С неба упали первые крупные дождевые капли. Ти вздрогнула от неожиданности, когда одна из таких попала ей на шею и скатилась вниз, оставляя после себя мокрую дорожку. Холод отрезвил ее.

Даже если Ти злится, даже если ей при этом очень страшно, это еще не значит, что теперь надо перегрызть друг другу глотку. Ти ничего не знает об этой девушке, а незнакомка заблуждается насчет нее. Неужели им теперь драться, как диким животным?

Ти толкнула дверь локтем, не поворачиваясь к охотнице спиной.

– Идем. Дождь начинается. Не будем же мы разговаривать, вымокшие до нитки.

Охотница на ведьм по-прежнему стояла на месте, не убирая руки с ножа. Ти вздохнула.

– Что, боишься заходить в пряничный домик ведьмы? Убить меня ты и там сможешь. Обещаю не вырваться.

Девушка не шевельнулась. Дождь уже разошелся в полную силу; темное небо затянули тучи, запахло мокрой травой и землей.

– Ты же сказала стоять на месте, не то напустишь на меня... лягушек, – она упрямо мотнула головой, когда намокшие пряди черных волос упали ей на глаза.

– Я соврала. Я такое не умею, – просто сказала Ти и прошла в дом.

Охотница, чуть помешкав, пошла за ней пружинящими, как у кошки, шагами, не отпуская рукояти ножа.

Дверь захлопнулась за ними сама – может, от сквозняка, а может, и нет.

Девушки зашли внутрь как раз вовремя: дождь с ветром, словно голодные животные, принялись завывать в окна и со всей силы бросаться на дом, сотрясая его до последнего бревнышка. Крупные капли забарабанили по крыше, в дымоходе загудело от ветра. Когда охотница на ведьм вздрогнула и провела ладонями по плечам, Ти подошла к камину и бросила в пламя березовое полено, а еще украдкой взяла с каминной полки охапку листьев гравилата и тоже отправила их в огонь – он поможет им успокоиться и поговорить по-человечески.

– Присаживайся, – она указала на кресло-качалку, а сама подняла вязанье и одеяло, которые лежали на полу.

Охотница следила за ней недоверчивым взглядом, будто

ожидала, что ведьма сейчас прочтет какое-нибудь заклинание и пропадет в густом черном дыме. Ти не стала ей что-то говорить, а прошла к обеденному столу и забрала оттуда стул на четырех ножках. Она поставила его у камина и плюхнулась на сиденье.

– Ну что, мое жуткое ведьминское убежище похоже на то, что вам описывают в... Где такому учат? В деревенских школах? Церквях? – едко поинтересовалась девушка, скрещивая ноги и устраиваясь поудобнее. С охотницей на ведьм она столкнулась впервые и действительно не знала, откуда такие берутся и чего от них можно ожидать кроме, по всей видимости, острия ножа у горла.

Охотница подбоченилась, вздернула острый подбородок и заявила:

– Твой сарказм тут неуместен. Зло многолико и может явиться в любом удобном ему образе, – и уже спокойнее добавила, – И я не так глупа, чтобы послушать представителей духовенства, раскрыв рот, а потом идти кромсать вам подобных по их указке. Я...

– Чай будешь? – перебила ее Ти.

Охотница заморгала от неожиданности, потом помотала головой.

– Подсыплешь мне еще чего-нибудь, – пробормотала она, прошла к камину и наконец села в кресло-качалку. Нож в руке, видимо, ей надоел, и она заткнула его за пояс.

– А я буду. Меня Ти, кстати, зовут, – девушка соскочила со

стула, включила под чайником огонь и загремела кружками в буфете.

– Вил.

– Значит, никто тебя не науськал ненавидеть ведьм? Тогда с чего вообще такая неприязнь? – спросила Ти, засыпая в заварочный чайничек синего цвета с золотыми цветками смесь черного листового чая и сушеных цветков лаванды. Она обхватила посуду обеими ладонями, прикрыла глаза, шепнула пару слов над заваркой и повернулась к Вил.

Охотница неотрывно смотрела на языки пламени.

– А это уже не твое дело, – проговорила она. Ти показалось, что в ее глазах мелькнула потаенная боль, словно у раненого животного. А может, это просто игра теней.

– И многих ты убила? – поинтересовалась она, стараясь, чтобы голос не дрожал. Она еще не осознает этого в полной мере, но, возможно, она в последний раз заваривает себе чай, последний раз держит кружку в руках и отхлебывает вкусный горячий напиток, способный прогнать грусть, наполнить энергией или успокоить.

Кто накормит черную кошку, когда ее не станет? Зарастет ли садик сорняками? Вспомнит ли о ней кто-нибудь из городских?

Вил помолчала, потом откинулась на спинку и немного раскачала кресло, помогая себе ногами. Прикрыла глаза.

– Ни одного.

На плите засвистел чайник: воды в нем было немного, и

вскипятилась она быстро. Девушка залила смесь кипятком, плеснула воды в чашку, туда же положила ложку меда и поочередно отнесла на столик сначала чайничек, потом кружку.

Понять тишину, что повисла между ними, было трудно. с одной стороны находилась Ти, которая боялась за свою жизнь, но не желала этого показывать. Безмолвный страх делал тишину вязкой, почти липкой. С другой находилась Вил, охотница без единой жертвы на счету: отстраненная, но в то же время человечная, со своей историей. Ти не собиралась убежать, нападать на девушку или молить о пощаде и попросту позволила ситуации идти своим ходом – пусть бежит, как самовольная река, обтекая камни и изгибаясь излучинами.

Вил распахнула глаза, словно сбросив с себя полудрему, и прищурилась.

– Ну, есть что сказать? Или предпочтешь молчаливый конец? – ореховые глаза впились в Ти.

Ти не знала, что она хотела найти в ее чертах, но понимала, что от ответа будет зависеть многое.

– Я не та, за кого ты меня принимаешь, – медленно заговорила она, водя пальцем над кружкой. В чае образовался небольшой водоворот: напиток перемешивался сам, без участия ложки. Охотница опустила взгляд на эту маленькую шалость, не вздрогнула и даже не моргнула, только дыхание стало чуть учащеннее. – То есть да, я ведьма. Но убивала ли я кого-нибудь? Нет. Умышленно причиняла вред? Один

раз, и он сам был виноват, что полез с непристойностями и не понимал слова «нет», – Ти вздернула подбородок, в глазах сверкнула уверенность в том, что она поступила правильно. – Вот и думай, кому я вообще представляю угрозу.

Вил пожала плечами, провела пальцами по гладкому деревянному подлокотнику.

– И что, мне верить тебе на слово? Разве я похожа на сельского простака, которому можно втюхать жабье легкое под видом волшебного усилителя, от которого у него проснется невиданная сила?

– Хочешь – допроси жителей Вилмсбурга. Они подтвердят, что от меня никогда не было проблем, – не сдавалась Ти. Она отхлебнула чая и принялась буравить охотницу взглядом.

– Ты могла их околдовать, наложить свои коварные чары и притвориться самой милой душой на свете, – парировала Вил. Они словно вели бой на мечах, только вместо наточенных лезвий у них тщательно подобранные слова, вместо доспехов – уверенность в том, что их взгляды единственно правильные, и сосуществовать они не могут.

– Ну раз тебя научили всем этим стереотипам о ведьмах, раз мы такие плохие и злые, скажи мне, ты видишь черепа, символы кровью и человеческие внутренности в банках? Темные гримуары? Погреб, в котором кто-то плачет и зовет на помощь, в конце концов? – рассердилась Ти. Она вскочила, схватила ветвь шалфея с потолка и размяла ее в руках до

крошки. Потом ссыпала ее на землю. – Знаешь, для чего это? Это шалфей. Если отварить его с ромашкой на воде из целебного источника, то он уймет боль любого рода в животе!

Ти развернулась, пробежалась взглядом по кухне и подошла к шкафчикам над плитой и кухонной стойкой. Распахнула их, не обращая внимания на то, что в руке Вил снова оказался нож.

– Смотри, любуйся!

Полки до самого верху были забиты листовым чаем всех сортов и вкусов в подписанных бумажных пакетах, тут же были готовые смеси на продажу или в личное пользование в перерабатываемых упаковках и с этикетками, написанными от руки. Еще здесь завалилась пара грязных чашек, ложка и фантики от конфет и шоколада. Ти поочередно открывала каждый шкафчик, и в каждом хранилась либо посуда, либо ингредиенты для чая.

– Ты подойди, потрогай, да даже завари себе чего-нибудь, чтобы убедиться, что это не злые чары! Ну что, похоже, что я тут младенцев похищаю и в котел бросаю? Или тебя еще проводить в мою спальню и кладовую, чтоб уж наверняка? – когда она выкрикнула последние слова, то с полки с глухим «бум» упала смесь, подписанная «для любви к себе». Только тогда Ти поняла, что перешла на крик. Она замолчала и заставила себя размеренно дышать, непроизвольно сжимая и разжимая кулаки.

Вил, к безмерному удивлению девушки, пристыженно по-

качала головой и спрятала нож за пояс.

– Нет, не похоже. Ты пойми... – она помолчала, подбирая слова. – У меня есть свои причины.

– Причины, из-за которых ты готова ворваться в чужой дом и перерезать глотку незнакомому человеку? – всплеснула руками Ти. – Должно быть, *очень* веские у тебя причины!

Вил прикрыла глаза рукой, потом с нажимом помассировала переносицу.

– И угораздило же меня попасться именно на тебя, – проворчала она. – Ты ведь первая ведьма, которую я отследила.

– Какая честь! – Ти хлопнула дверцей шкафчика, прошла к своему стулу и скрестила руки на груди.

– Мама говорила, что начинать нужно с ведьм-одиночек, а с ковенами лучше пока не связываться, – зачем-то пояснила охотница.

Ти уставилась на нее.

– А что именно в моем тоне подсказало тебе, что сейчас хорошее время для того, чтобы рассказать, как именно вы убиваете моих сестер? – поинтересовалась она, ногами перекатывая небольшой клубок оранжевой пряжи на полу.

– Я же сказала, я еще никого не убивала!

– А твоя мама? – клубок остановился. Ти размышляла, не пнуть ли его в девушку, которая, как слепой котенок, ковыляет за остальными, совсем не думая головой на плечах и считая это «священной миссией».

Но тут ей пришла мысль получше.

Ти осторожно прокатила клубок так, чтобы он сделал два с половиной круга против часовой стрелки, обвинив дубовую ножку стола.

Вил неопределенно дернула плечами.

– Убивает и гордится этим. Потому что спасает много жизней.

– Так спасает или отнимает? – переспросила Ти, наклонилась, сделала вид, что отряхивает платье, а сама ловким движением затянула несколько узелков на пряжевой нити. Затем она выпрямилась, сделала вид, что внимательно слушает Вил и сочинила короткое, но звучное четверостишие в голове.

– Она... – охотница закашлялась, будто что-то попало ей в горло. – Ладно, можно мне горячего чая?

– Конечно, – улыбнулась Ти.

– Того же, что и у тебя, – тут же добавила она.

Ти, ни капельки не смутившись, взяла чистую чашку из кухонного шкафчика и налила ей тот же самый чай. Протянула охотнице питье.

– Спасибо, – буркнула она и уткнулась в кружку.

Ти с непроницаемым лицом смотрела, как Вил опустошает емкость.

– Что за амулет у тебя на шее? – спросила вдруг она.

Девушка коснулась камня кончиками пальцев.

– Это не какой-нибудь магический амулет, это просто кри-

сталл на удачу. Лабрадорит, вроде.

– И как же работает его удача? – Ти оперлась локтями о колени и уткнулась в ладони подбородком. В воздухе приятно пахло лавандой и черным чаем. Ветер за окном успокоился, и только дождевые капли мерно стучали по стеклу. Если прислушаться ко звуку, то непременно потянет в сон.

– Ну... – начала охотница, проводя пальцем по ободку чашки. – Это сложно объяснить. Я даже не знаю...

– По-моему, все очень просто. У тебя есть кристалл «на удачу». Как ты им пользуешься? Опиши мне какой-нибудь случай, – предложила Ти. – Достань из памяти любой пример.

Ти была почти уверена, что Вил воспротивилась бы в обычной ситуации, но чай делал свое дело. Черный чай и лаванда очень успокаивают и помогают воссоединиться со своей магической стороной, которая есть в каждом из нас (даже если отрицать ее изо всех сил). Усилить этот эффект можно, если заговаривать не только чайную смесь, но и кружку, и питье в ней. А заговаривать и передавать умысел можно и без слов, если хватает практических навыков.

И Ти совестно не было: чай не заставит охотницу изменить свои взгляды и передумать резать ведьм, он только достанет то, что может крыться под ее собственными убеждениями и поведает о чем-то интересном как для Ти, так и для самой Вил.

Охотница сладко зевнула, после чего заставила себя

встряхнуться и выпрямиться в кресле.

– Я начну издалека, но это будет обоснованно, – заговорила она и откашлялась, чтобы избавиться от хрипотцы в голосе. – Мама учила меня выслеживать ведьм, опираясь на разные методы. Найти вас легче всего по следам, что вы оставляете.

Ти поджала губы. Еще одна лекция о том, как они истребляют ее народ. Может, Ти и не общалась с другими ведьмами, но ей не нужно быть с ними близкими подругами, чтобы считать их сестрами. Кто-то убивает ей подобных просто за то, что они родились теми, кем родились – этого достаточно, чтобы ее кровь кипела и бурлила от одной лишь мысли.

– В детстве у нас была игра под названием «Логово ведьмы», – продолжала Вил. – Мама оставляла на природе подсказки и следы, которые вели меня к так называемому убежищу: это могли быть рисунки, следы странных форм и размеров, примятая листва, сорванные растения...

На этих словах Ти в буквальном смысле передернуло: значит, они охотятся на ведьм и без зазрения совести делают из этого игру, с детства приучая детей к жестокости.

– Я находила, где якобы живет ведьма, и мама обязательно проверяла, готова ли я: наточены ли ножи, понимаю ли я, какая именно ведьма меня ждет, чтобы я могла ей противостоять, ну и так далее.

– Папа в ваших играх не участвовал? Он был против охоты? – спросила Ти, надеясь обрести союзника в его лице.

Вил тут же помрачнела и отвела взгляд.

– И однажды на рынке я присмотрела себе этот кристалл, – с усилием продолжила она, будто не слышала вопроса. Она задумчиво покрутила синий камень в пальцах. – Мне просто захотелось его себе купить, – добавила она, будто оправдываясь. – Маме не показывала, мне казалось, ей это не понравится. И с ним мне стало как-то спокойнее, а в наших играх даже проще. Если сжать его в кулаке, то мысли как будто встают по полочкам, и я вижу то, что не замечаю без него... Это самовнушение, конечно, но все равно, – пожала плечами девушка.

Ти подалась вперед, ловя каждое слово.

– Не знаю, почему все с такими не ходят. Некоторые охотники мастерят специальные ловушки для ведьм, реагирующие на магию, но мама категорически против любых приборов и устройств, поэтому мы в основном охотимся при помощи чутья, логики и следопытства, – сначала охотница замолчала, но потом заметила на себе пытливый взгляд Ти. – Что?

Ведьмочка молча встала, пододвинула стул к креслу-качалке так, чтобы расстояние между девушками было не больше пары шагов, ушла в свою комнату и вернулась с охапкой чего-то сверкающего разных форм и размеров. Села обратно и ссыпала все это богатство себе на колени, на ткань платья.

– На. Потрогай и скажи, что чувствуешь, – она протянула Вил гладкий камушек пыльно-розового оттенка.

Охотница закатила глаза, но камень взяла.

– И что это, тест на ведьму? – поинтересовалась она, но стоило ей взглянуть на серьезное лицо Ти, как она вздохнула и закрыла глаза. Нахмурилась, повертела его в пальцах так и сяк. – Ничего я не чувствую.

– Подожди, – Ти порылась в горке кристаллов, выудила еще один и пихнула ей его в ладошку. – Давай еще раз.

Охотница сжала в пальцах уже два кристалла.

– Хм-м... Вот, да, есть! Я чувствую... себя идиоткой, – она открыла глаза и посмотрела на Ти. – Оно?

– Я в тебя сейчас подушкой кину, – рассерженно отозвалась ведьмочка. – Давай еще раз, только серьезно. Со своим камнем у тебя же получается.

– Если ты потом от меня отстанешь... – пробурчала Вил и сжала кристаллы в кулаке. Морщинка между ее бровями вдруг разгладилась. Она разжала ладонь, и Ти чудом успела подхватить выпавшие кристаллы и мысленно пообещала, что завтра же оставит их на лунном свете, посыпав солью, чтобы загладить вину и очистить их от чужой энергии – обычно она не раскидывается своими кристаллами налево и направо, и уж тем более не отдает их незнакомцам. – Что за ведьмовство?

– Что ты почувствовала? Легкую эйфорию первой влюбленности, любовь к себе, спокойствие? – перечислила Ти свойства розового кварца, усиленного чистым кварцем. Она водила пальцем по горке камней, которые при этом издавали

приятный звук.

Вил даже уточнять не стала, просто кивнула. Ти достала еще один, молочный и при этом отливающий небесным голубым. Вил взяла его в руки без лишних возражений.

– Защита, – уверенно проговорила она, зажмурив глаза и исследуя камень пальцами.

– Лунный камень. Все верно, – кивнула Ти.

В камине с треском лопнула веточка. Вил помедлила, потом бросила камень в раскрытую ладонь девушки и скрестила руки на груди.

– Это еще ничего не доказывает, – сказала она, хмуро рассматривая горящие поленья.

– Могу дать гадальные карты или ступку для трав, – Ти отнесла кристаллы обратно, после чего с удовольствием вытянула ноги и принялась рассматривать цвет своих носков в теплом свете камина. Ее окутывало сонливостью, словно пуховым одеялом; мысли ходили все медленнее, от усталости спотыкаясь друг о друга, и даже если Вил сейчас приставит нож к ее горлу, у девушки вряд ли будут силы запротестовать.

– Оставь себе. Хочешь сказать, все это баловство с кристаллом – не охотничье чутье, а... – Вил сглотнула и мотнула головой. Перебороть себя и сказать заветное слово на букву «М» она не смогла.

– Ну почему, – еле разлепляя губы, стала пояснять Ти, которая решила прикрыть глаза на секундочку. – Это может

быть очень хорошо развитая интуиция.

Вил приободрилась и выпрямилась в кресле.

– А это присуще... ведьмам, – добавила она и нашла в себе силы распахнуть глаза, чтобы посмотреть на выражение лица Вил. К ее удивлению, злости на нем не было, только замешательство и растерянность в нахмуренных бровях и задумчивость во взгляде.

– А как-то точно проверить это можно? – осторожно спросила она, будто не хотела слышать ответ.

– Дай подумаю, – Ти поднесла пальчик к подбородку, раздумывая. – У нас есть: сжигание на костре, пытки, испытание водой, смерть через повешение... А, нет, это если ты окажешься ведьмой.

Вил непроизвольно вжалась в кресло, когда обращенные к ней зеленые, почти кошачьи глаза девушки свирепо сверкнули.

– Не на такой ответ ты рассчитывала? Ну вот, поразмышляй, к чему приводит ваша *охота*, – выплюнула Ти. – Неужели такое зверство можно как-то оправдать?

Вил вздохнула и прикрыла лицо ладонью, поморщившись, наверное, от головной боли. Одно потрясение за другим давалось ей тяжело. Вил посмотрела в окно, на стекающие по нему капли дождя, словно надеясь разглядеть там ответы.

– Я не могу вернуться домой, – произнесла она.

– И правда, куда ты собралась в такой дождь и тьму? – зевнула Ти.

– Я не про это. Я совсем запуталась. И устала. Не знаю, чему и кому верить. Не могу вернуться с пустыми руками. Не могу просто выбросить из головы все, что ты сказала, – Вил впиалась пальцами в короткие пряди, зажмурившись.

– Давай с утра разберемся, на свежую голову. Я тоже плохо соображаю уже, – Ты кое-как подняла себя со стула и поплелась в спальню, на ходу заплетая непослушные волосы в косы.

– Ты что, так просто позволишь мне спать в своем доме? Мы едва знакомы, да и само знакомство не задалось, – удивилась Вил, но осмотрелась и уже заприметила удобный диванчик.

Ты вышла из своей комнаты и кинула ей одежду, в которую можно было переодеться.

– Если надумаешь меня убить – дай знать, я кошке еды оставлю.

И исчезла за дверью.

Глава 2

Ти не знала, как вести себя с гостьей в доме, и потому решила вести себя как обычно. После пробуждения она поухаживала за садиком (девушка с огорчением обнаружила, что смастеренный ею навес не выдержал потока воды и упал, из-за чего ростки чистотела вчерашний ливень не пережили) и понежилась на шезлонге, подставляя лицо солнечным лучам. В такой ранний час лес был окутан благодной тишиной; это время дня, когда даже воздух ощущается по-другому, Ти любила больше всего. Если днем и вечером она занималась делами по дому и подготавливала вещи на продажу, то утром она всегда старалась найти время для себя.

Особого голода Ти пока не испытывала, но когда она пошла домой заваривать чай, то поймала себя на мысли, что хочет приготовить Вил что-нибудь вкусненькое. Желание показалось ей странным, учитывая, что вчера они сцепились, как две разъяренные кошки, но противиться ему девушка не стала. В конце концов, ей даже стало жаль Вил, которая всю свою жизнь провела в заблуждениях, науськанная ненавидеть и выслеживать девушек вроде нее самой.

Когда она зашла в дом, охотница все также спала на диване. Одна рука свешивалась на пол, другую она подложила под щеку; выглядела Вил при этом так трогательно, что и не скажешь, что вчера она угрожала ей расправой. Ти сдела-

ла вид, что идет в свою комнату, и как бы между делом поправила плед, частично соскользнувший с девушки. Оказывается, Вил все-таки переделась в длинную флисовую ночнушку, которую она ей предложила. Ты сама никогда не была хрупкой и тоненькой, но она и не отказывала себе в удовольствиях жизни и не морила себя голодом – напротив, с большой охотой поглощала панкейки с черничным джемом на завтрак и любовалась собою в зеркало, поэтому на охотнице, подтянутой и мускулистой для ее шестнадцати лет ее одежда висела балахоном.

Только когда по дому разнесся запах травяного чая с земляникой и тостов с яйцом и сыром, Вил подала какие-то признаки жизни и зашевелилась под пледом. Ты как раз запечатывала склянку с заклинанием за обеденным столом: она отвлеклась на звук и капнула горячим воском себе на палец. Ойкнув, ведьмочка быстренько соскоблила зеленую массу и поднялась со стула.

В окно задувал приятный ветерок, принося с собой хорошее настроение и свежий запах травы после дождя. Из-за вчерашнего ливня земля была влажной и с избытком грязных луж, поэтому после короткой утренней прогулки ботинки Ты просыхали у двери.

Вил еле-еле разлепила глаза и села. Рука уже сжимала нож, видимо, до этого спрятанный под подушкой.

– И тебе доброе утро, – поприветствовала ее Ты и поставила на обеденный стол большое жестяное блюдо с тостами.

Потом ей стало неловко за беспорядок – она схватила какую-то тряпку и принялась вытирать крошки. – Как раз собиралась тебя будить.

Вил повернула голову и посмотрела в окно.

– Рань несусветная, – она зевнула и проморгалась, прогоня сонливость. – Я бы еще часа четыре спала. Можно у тебя тут где-то умыться?

Ти указала ей на комнату, в которой она и исчезла, плотно прикрыв за собой дверь.

– Я там положила комплект одежды из того, что нашлось, пока твоя одежда сушится на подоконнике, – крикнула она и поставила на стол чашки и заварочный чайник.

Из комнаты Вил выходила с очень недовольным видом. Ти еле сдержала хихиканье: шагая к столу, охотница постоянно одергивала чересчур свободное персиковое платье и с отвращением рассматривала мелкие белые цветочки на ткани.

– Честно скажу, я не пыталась тебе напакостить. Мои штаны будут тебе велики, поэтому я остановилась на этом, – принялась оправдываться она, хотя прекрасно могла выбрать платье сдержанных цветов – может, темно-зеленое или даже черное, единственное такое в ее гардеробе.

Завтрак проходил в спокойной и даже дружелюбной обстановке, хоть Ти и не привыкла к гостям. Что еще более неловко, эта гостья хотела убить ее накануне. Тем не менее, наблюдая за тем, как Вил запикивает в рот последний кусочек тоста и дергает головой, чтобы убрать с глаз челку, де-

вущке захотелось сделать вид, что вчера ничего не было и сесть вместе читать книги или пойти гулять в лесу, но никак не ссориться и выяснять отношения.

Ти поняла, что у нее уже очень давно не было подруг.

– Очень вкуфно, фпасибо, – проговорила Вил с набитым ртом, отчего во все стороны полетели крошки.

Ти глотнула чая и кивнула. Охотница вытерла рот рукой и забарабанила пальцами по столу, избегая взгляда ведьмы.

– Еще чаю? – предложила Ти в отчаянии, чтобы хоть немного отсрочить разговор. К ее великому сожалению Вил покачала головой. Она толком не расчесала свои коротко остриженные пряди, и теперь они торчали во все стороны, напоминая ветви молодого дерева. Ти подумалось, что так ей нравится даже больше.

– Насчет вчерашнего... – начала Вил. Чтобы занять руки, Ти принялась прибираться на столе, чего никогда не делала сразу после приема пищи. Она отстраненно подумала, что существуй такие заклинания, какими можно в одно мгновение убрать весь дом, она была бы в нем первой умелицей. – Скажи без шуток, можно ли как-то проверить, действительно ли я... Ну...

– Ведьма? – подсказала Ти.

Вил поморщилась, но кивнула, рисуя пальцем круги на деревянном столе.

– Ведьмовство, которого придерживаюсь я, идет от самой сущности человека, и от того по-своему интуитивно просто.

Мои заклинания – это не взмахнуть волшебной палочкой и посмотреть, как формируется огненный шар, – объяснила Ти и для наглядного примера сорвала с потолка пучок лавровых листьев, взяла склянку с лимонной цедрой и белую нить. – Здесь требуется терпение и вера в свои силы.

Она обмотала пучок белой нитью, прошептала что-то себе под нос и посыпала все лимонной цедрой, после чего втерла ее в листья.

– А еще интуиция и готовность отходить от рецептов, чтобы создать что-то новое и уникальное. Вот, например, – девушка показала Вил пучок лавровых листьев. – Если закопать это в саду с солнечной стороны, то жильцам дома будет сопутствовать удача вплоть до лунного затмения.

Вил нерешительно коснулась пучка, и, словно замороженная, растерла лимонную цедру между пальцев.

– И ты никому этим не вредишь? – уточнила она.

– Я же говорила, нет. Был случай с охотником, но я потом тебе как-нибудь расскажу, – Ти положила пучок на протертый островок на столе. – Я думаю, что магия вроде моей доступна всем, нужно только попробовать. Ты безошибочно определила энергию всех кристаллов, которые я дала тебе подержать, а это уже о многом говорит. И еще: я верю, что если человек хотя бы допускает мысль о том, что он может быть ведьмой или ведьмаком, то это уже неспроста. Те, чьи природные силы слабы, могут даже не задумываться об этом.

– А может такое быть... – Вил набрала побольше воздуха в

легкие и проговорила следующие слова на одном дыхании, – что я подавила все эти силы только потому, что в моей семье мы *охотимся* на ведьм?

Ти подперла щеку рукой и задумалась.

– Если так подумать, – Вил наморщила лоб. – задатки у меня всегда были. Меня завораживает природа во всех своих проявлениях, я люблю наблюдать за луной и разговаривать с животными – мне даже кажется, что они хорошо меня понимают. Это не делает меня ведьмой, но я всегда чувствовала себя лишней в нашем обществе. Все эти качества и интересы я старательно прятала – знала, что засмеют, или того хуже, прогонят с позором. Конечно, я люблю клинки и кинжалы, – ее рука потянулась к поясу, где обычно висело оружие, но остановилась – сейчас его у охотницы не было. – но убивать людей... Это другое.

– Вот почему ты не кажешься очень-то шокированной для охотницы на ведьм, – заметила Ти. – Ты обернулась тем, против чего сражалась, но в глубине души ты уже это подозревала.

Вил застонала и уткнулась лбом в стол.

– Неужели твоя мама тебя не поймет? – осторожно спросила Ти, разглядывая ее макушку. – Ты не можешь вернуться и объяснить, что больше не будешь охотиться на ведьм?

Со стороны Вил раздался какой-то сдавленный смешок, который легко можно было спутать со всхлипом. Она подняла голову и посмотрела прямо на Ти. Какое-то время девушки

ка молчала, будто решая, стоит ли ей говорить следующие слова.

– Моего отца убили ведьмы. По крайней мере, так мне сказали – я уже и не знаю, чему верить. Я была маленькая и ничего не видела – это произошло на охоте. Теперь моя мама одержима идеей истреблять ведьм одну за другой, хотя папу это не вернет.

Ти закусила губу и не решилась сказать что-нибудь в ответ. Вил уставилась мимо нее отсутствующим взглядом:

– Уж лучше пусть она думает, что ее дочь тоже убили ведьмы.

Ти не выдержала и схватила ее за руки.

– Что ты такое говоришь? А если она передумает и перестанет желать мести ведьмам?

– Ты не знаешь мою мать, – хрипло рассмеялась Вил. – Когда я сказала, что она *одержима* идеей истреблять ведьм, это был не оборот речи. Это ее жизнь. Иногда мне кажется, что она видит во мне только инструмент для расправы над ведьмами, а не родную дочь со своими интересами и страхами, – ее голос надломился. Она опустила голову.

– Но она же твоя мама, – недоумевала Ти, сжимая ее пальцы сильнее. – Неужели она бросится на тебя с ножом?

Вил даже говорить ничего не стала – все было понятно по пропитанному болью взгляду.

– А твои родители где? – спросила она вдруг Ти.

Ти выпустила ее руки из своих и опустилась обратно на

стул.

– Отца я не знаю, он ушел еще до моего рождения. Мы с мамой жили в деревне далеко-далеко отсюда. Мне было одиннадцать лет. У мамы были огненно-рыжие волосы и добрые глаза. Она могла часами слушать шелест листьев и журчание ручейка – говорила, что это ее успокаивает, а в шепоте природы можно услышать ответ на любой волнующий тебя вопрос.

Вил слушала внимательно и молча.

– Она учила меня основам магии, при этом строго наставляя скрывать наш дар от остальных, потому что, по ее словам, люди боятся тех, кто их сильнее. Мама выращивала цветы, овощи, фрукты и ягоды и продавала их на рынке, зарабатывая нам на жизнь. Я дружила с девочками в городе, куда она ходила утром на работу, и иногда бегала к ним видеться – играть на полянах, плести венки и рассматривать интересные вещицы на рынке. Дорога к городу шла через небольшой лесок, где в округе людей не было. Мама каждый раз перед уходом повторяла, чтобы я возвращалась задолго до темноты и была предельно аккуратна. Я ее слушалась, но однажды после местного праздника задержалась и попросила подружку с ее мамой проводить меня, чтобы было не так страшно.

Ти помолчала, постукивая подушечками пальцев по столу.

– У нас тогда проходила ежегодная ярмарка ремесленников. Празднование гремело на весь город, улицы освещались

огнями, ремесленники выставляли свои работы в лавках на главной площади, и к нам даже приезжали гости из соседних деревень. В самом центре стояли столы со скамьями, где в больших чанах варили пряный апельсиновый чай, а на открытом огне готовили баранину с овощами. Угощали бесплатно, если ты что-нибудь купишь или смастеришь под руководством ремесленника. Я тогда сшила ключницу в виде грибочка и очень ею гордилась, хотела поскорее подарить ее маме. По пути домой я теребила ее в руках, разглядывая неровные стежки. Подружка слепила керамическую собачку с разного размера ушами и как будто бы ухмыляющейся мордашкой. Мы как раз обсуждали праздник и наши поделки, когда набрели на лису с тремя крохотными лисятами; было уже совсем темно, и мы случайно подошли прямо к ее убежищу. Лиса бросилась на нас, почувяв угрозу, и только мама девочки успела оттолкнуть нас. Я так испугалась, – Ты покачала головой, в ее печальных глазах тлели воспоминания прошлого. – Действовала из каких-то внутренних побуждений: ключница выпала из моих пальцев, я выбросила руку вперед и крикнула что-то лисе. Не знаю, что я тогда сделала, но она заскулила, поджала хвост и убежала вместе с лисятами. Мать девочки вскочила, вся перепачканная в земле, и стала обвинять меня в ведьмовстве, тыча пальцем. Ее дочка попятилась от меня, смотря на меня как на монстра, а не на подругу, с которой провела столько времени.

Лицо Ти искривилось от злобы, на глазах выступили сле-

зы, и она яростно утерла их тыльной стороной ладони.

– Я спасла ее, а она... Я не знала, что делать, и поэтому просто убежала. До дома оставалось всего ничего, я прибежала вся в слезах и кое-как объяснила маме, что произошло. Она отдала мне амулет, который носила на шее, сказала, что он будет меня защищать, и попросила меня бежать как можно дальше, не оглядываясь и не возвращаясь. Я спросила, не пойдет ли она со мной, но она ответила, что придумает что-нибудь перед жителями города, чтобы они обвинили в колдовстве ее, а не меня, потому что так я буду в безопасности, и никто не будет меня преследовать. Кажется, она сказала, что в силу своего скудоумия они поверят в любую чушь. Она поцеловала меня в лоб, обняла и сказала, что очень любит меня. Это был последний раз, когда я видела свою маму.

– Ты возвращалась в ту деревню? – тихо спросила Вил.

– Нет. Я и без того знаю, что ее сожгли на костре как ведьму, – ответила Ти, не поднимая на нее взгляда. – Об этом кричали на всех углах и во всех газетах, пока я уходила так далеко, как могла, то и дело падая в обморок от усталости и голода. А все из-за того, что я не вернулась домой вовремя.

– Ты не можешь себя за это винить, – возразила Вил. – Ты была ребенком. Ты ходила через этот лес сотни раз и не могла знать, что такое произойдет. Мне очень, очень жаль. Твоя мама была храброй и замечательной женщиной, и я уверена, она не хотела, чтобы ты всю жизнь провела в сожалениях. Она любила тебя.

Охотница обошла стол и обняла Ти. Ее плечи затряслись от плача. Вил поглаживала Ти по волосам, утешая ее: за все эти годы чувство вины, горечи и обиды скопились у дамбы, чтобы теперь вырваться одним мощным потоком.

Когда слезы были выплаканы, а кружки снова наполнились чаем, им обеим стало гораздо легче.

– Твоего отца мне тоже очень жаль, – сказала Ти, с покрасневшимися глазами и носом отпивая чай. – Я уверена, что он не заслуживал такой участи. Но... Ты точно не хочешь вернуться домой, к маме?

Вил передернула плечами и тоже сделала глоток.

– Честно сказать, я терпеть не могу наш городишко, переполненный озлобленными людьми и осунувшимися лицами. Скучать по нему я не буду. А мама... Может, навещу ее когда-нибудь и посмотрю, изменит ли она свои взгляды. Я совсем не уверена, что она не пустит мне в горло арбалетный болт в ту же секунду, как узнает, что я ведьма.

– Я буду рядом, – пообещала Ти. – Ты и сама можешь о себе позаботиться, но вдвоем все-таки веселей.

Вил усмехнулась и кивнула.

– Ну что, – она тряхнула головой и посмотрела ей в глаза. – Когда ты начнешь учить меня магии?